

Англия, 1918 год.

В маленькой деревушке живет юная Леонора, дочь аптекаря. Она мечтает создавать женскую косметику. Но в деревне ее чудо-кремы продаются плохо...

Однажды судьба дает ей шанс воплотить мечту — переехать в Америку и открыть свой магазин. Там девушка влюбляется и решает рискнуть всем...

Нью-Йорк, 1939 год. Талантливая балерина Алиса получает предложение стать лицом нового бренда косметики. Это скандальный шаг, но он поможет ей заявить о себе. Леонора видит в Алисе себя — молодую мечтательницу, еще не опалившую крыльев. Они с ней так похожи... И Алиса все сильнее чувствует это.

Две женщины. Одна мечта.

И тайна, крепко связавшая их судьбы.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6849-4

9 786171 268494

НАТАША
ЛЕСТЕР

Ее секрет

НАТАША
ЛЕСТЕР
Ее секрет

Чужая тайна – твоя мечта

Ее секрет

NATASHA
LESTER
*Her Mother's
Secret*

A Novel

НАТАША
ЛЕСТЕР
Ее секрет

Роман

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821(94)
Л51

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Lester N. Her Mother's Secret : A Novel / Natasha Lester. —
Sydney : Hachette, 2017. — 400 p.

Перевод с английского *Анатолия Михайлова*

Дизайнер обложки *Алексей Безруков*

ISBN 978-617-12-6849-4
ISBN 978-0-7336-3465-9 (англ.)

© Natasha Lester, 2017
© DepositPhotos.com / sepa-
vone, zastavkin, обложка,
2019
© Hemiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», перевод
и художественное оформле-
ние, 2019

Что бы вы только ни отдали, чтобы вернуться к началу, снова стать теми людьми, для которых будущее было таким свежим и многообещающим, что, казалось, просто невозможно все испортить?

Тереза Энн Фаулер

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Саттон-Вени, Англия, ноябрь 1918 года

В баночке, которую держала в руке Леонора, хранилась субстанция столь же черная, как небо в безлунную ночь. Она отвинтила крышку, и ее подруга Джоан нетерпеливо заглянула ей через плечо.

— У меня все получилось, — сказала Леонора.

— Попробуй нанести ее! — посоветовала Джоан.

Леонора обмакнула палец в краску для бровей и ресниц, которую приготовила накануне. На подушечке пальца осталась пленка черной жидкости. Леонора нанесла ее на кончики ресниц, поначалу осторожно, а потом осмелела, сунула палец в баночку и добавила еще немного субстанции.

— Как я выгляжу?

— Подожди. — Джоан взяла в руки карманное зеркальце и экземпляр журнала «Кинофильмы и зритель», лежавший открытым на рабочем столе перед ними. Держа зеркальце перед лицом Лео, а журнал — рядом с ним, она принялась сверять получившийся эффект с фотографией Теды Бары¹ в роли Клеопатры.

Лео улыбнулась своему отражению: ее зеленые глаза теперь казались больше и ярче благодаря туши для ресниц.

— Получилось лучше, чем я надеялась. Держи.

Она передала баночку Джоан, и та, следуя примеру Лео, точно так же наредила и свои ресницы.

¹ Теда Бара (1885—1955) — американская актриса, звезда немого кино и секс-символ конца 1910-х годов. Женщина-вамп с ярким макияжем. (Здесь и далее примеч. ред.)

— Пожалуй, в следующий раз надо добавить немного масла для блеска, — заметила Лео, продолжая внимательно разглядывать свое лицо. — Ресницы у Клеопатры определенно блестят сильнее.

— Учитывая, что это единственная тушь для ресниц на сотни миль вокруг, я думаю, что первый блин отнюдь не вышел комом.

— Ты не поверишь, но это всего лишь смесь мыльных хлопьев и ламповой копоти. Я пыталась использовать вазелин и сажу, но они оказались чересчур липкими. А эту тушь наносить куда легче, но, надеюсь, я смогу улучшить ее. — Лео вздохнула, окинув взглядом беспорядок, царивший в кладовой и на рабочем столе, заставленном мазями, бальзамами и результатами ее косметических экспериментов. — В том случае, разумеется, если у меня останется свободное время после приготовления лекарств от венерических заболеваний.

— Я могу понять, почему мальчики идут на это, — с грустью отозвалась Джоан. — Те, за которыми я ухаживала, говорили мне, что были готовы на все, лишь бы испытать хоть капельку любви после всего, с чем им пришлось столкнуться.

Лео содрогнулась всем телом, представив себе, как Джоан в госпитале военного лагеря, расположенного примерно в миле от Саттон-Вени, выслушивает подобные признания, перевязывая раненых солдат.

— Как ты думаешь, мы ведем себя ужасно? Стоим здесь и болтаем о туши для ресниц и кино, в то время как...

— Разумеется, нет! — с жаром воскликнула Джоан, австралийский акцент которой, как всегда в минуты волнения, стал заметнее. — Я трачу по двенадцать часов в день на то, чтобы не дать мужчинам умереть, да и у тебя не меньше времени уходит на приготовление лекарств. Не говоря уже о том, что необходимо поддерживать их моральный дух; походы в аптеку за снадобьями не зря так популярны в лагере.

Лео покраснела.

— Мы идем в синематограф или нет? — поинтересовалась она.

— Теперь к туши для ресниц мне требуется еще и помада для губ.

Лео протянула Джоан баночку, наполненную красным блестящим кремом.

— Ты — настоящее сокровище. Не сомневаюсь, что благодаря тебе у здешних медсестер косметика лучше, чем у дам в Лондоне. — Джоан осторожными прикосновениями нанесла крем на губы, обеими руками пригладила свои каштановые волосы, надела темно-синюю шляпку в форме колокола и удовлетворенно кивнула.

— А что, если нас увидит миссис Ходжкинс?

Джоан небрежно повела плечами.

— Ну и что? Накрасив ресницы, мы не нарушили закон.

— Пока еще нет. Но это, скорее всего, только потому, что никто не понимает, сколь многого мы хотим. — Лео ткнула пальцем в журнал. — Или ты полагаешь, что фраза «Я хочу быть похожей на Теду Бару» — достаточное оправдание для этого?

Джоан рассмеялась.

— Идем. А то мне давно уже хочется рассказать тебе свои новости.

— Сначала я должна взглянуть, как там папа.

Лео перевернула нужной стороной табличку «Закрыто» на двери, на которой красовалась надпись «Гарольд Ист, провизор первого стола и аптекарь», и взбежала по ступенькам в квартиру, где жила со своим отцом.

Гарольд Ист сидел за столом, якобы читая газету, но он снял очки, и глаза его были закрыты. Он выглядел еще более исхудавшим и бледным, чем обыкновенно, и Лео в тысячный раз пожалела о том, что не может обеспечить ему необходимое полноценное питание. Карточная система выдачи продуктов еще годилась для нее, молоденькой девушки, но никак не подходила ее отцу, здоровье которого и так необратимо ухудшилось от горя после того, как его жена умерла при родах, а тяготы войны состарили его еще больше.

— Папочка, — прошептала она, кладя ладонь ему на локоть.

Он едва не подпрыгнул на месте, и глаза его распахнулись.

— Что случилось? — осведомился он, нашаривая очки.

Леонора обнаружила их под газетой и протянула ему, но он лишь сжал их в кулаке, беспомощно глядя на нее. Она знала, что сейчас он видит лишь смутный ее силуэт.

— Мне очень жаль, что я напугала тебя, — негромко проговорила она. — Ничего не случилось. Я всего лишь пришла сказать «до свидания». Я иду в синаматограф с Джоан, помнишь?

— Разумеется, помню. — Ее отец просиял и протянул ей обе руки.

Лео бережно поцеловала его в лоб.

— Ты поел хлеба?

— Я даже дочиста вылизал тарелку, не оставив ни единой крошки, — ответил он. — А ты ступай и повеселись немножко. Ты и так проводишь слишком много времени здесь, со мной.

— Как прошло твое утро в аптеке?

— Отлично. Пришли несколько солдат, но они остались крайне разочарованы, узнав о том, что ты ухаживаешь за их куда более везучими собратьями в мэрии Саттон-Вени. А еще придется приготовить новую порцию кольдкрема «Лео». Мы опять распродали весь его запас. Миссис Кидд заявила мне, что он куда лучше «Пондса».

— Так я и знала, что он им понравится. Быть может, теперь ты позволишь мне продавать и помаду для губ.

Ее отец покачал головой, но улыбка по-прежнему не сходила с его лица.

— Только представь себе, что скажет на это миссис Ходжкинс!

Лео и без него прекрасно знала, что скажет миссис Ходжкинс, которая назначила себя ответственной за ее моральное воспитание. Она мысленно поблагодарила Господа за то, что отец не надел очки и поэтому не видел ее ресниц.

— Я не нуждаюсь в том, чтобы меня окружал родительской заботой кто-нибудь еще, кроме тебя.

Глаза отца наполнились слезами, и Лео поняла, что он вспомнил ее мать, которой даже не представилась возможность прижать к груди свою дочь.

— Что ж, — проговорил он дрогнувшим голосом, — фактически, теперь это твоя аптека. Я ведь в ней практически не

бываю. А сейчас, пожалуй, я пойду прилягу, родная. Что-то я совсем вымотался.

Лео смотрела, как он, старчески шаркая ногами, уходит прочь, время от времени придерживаясь за стену, чтобы не упасть. Затем она поспешила вниз, к Джоан.

— Извини, что заставила тебя ждать.

— С ним все в порядке? — спросила Джоан.

Лео покачала головой.

— Не знаю. Такое впечатление, что война высасывает из него все жизненные соки, отчего он слабеет на глазах.

— Я могу чем-нибудь помочь? — Джоан ласково сжала руку Лео.

— Нет. — Лео промокнула влагу в уголках глаз. — Идем.

И они зашагали вверх по главной улице. На ходу Лео помахала своему соседу, мистеру Бэнксу, который, судя по всему, глазам своим не поверил, глядя на них, но, тем не менее, помахал в ответ. Лео почувствовала, как с плеч у нее словно свалилась неподъемная ноша.

Как все-таки славно выйти на улицу и забыть, хотя бы ненадолго, о том, во что превратился этот мир! А заодно и добавить немного красок себе на лицо, дабы компенсировать тот факт, что платье ее исполнилось уже четыре года, что оно вылиняло до тускло-серого цвета и столько раз подвергалось штопке, что иногда казалось, будто оно сплетено из ниток, а не сшито из ткани. Как славно беззаботно смеяться вместе с Джоан, а не пребывать в постоянном нервном напряжении, ожидая известий о том, кто еще умер из деревенских мальчишек!

Под ногами у них похрустывали опавшие листья вязов — листья, которые летом появлялись с такой же быстротой, как и новые надгробия на кладбище. Лео уже открыла рот, чтобы спросить Джоан о последних новостях, когда впереди показалась группа солдат из военного лагеря. Присутствие солдат, австралийских медсестер, таких как Джоан, близость армейского лагеря — все это казалось Лео знакомым и привычным, и она вдруг поймала себя на том, что уже и не помнит, как выглядела деревня до того, как рядом с ней построили ровные ряды бараков и военный госпиталь, в котором работала Джоан. Вдалеке уже

виднелись мишени на стрельбище, белые прямоугольники которых походили на носовые платки, развешенные сушиться на ветру. Над головами пролетел биплан, готовясь приземлиться на лугу рядом с лагерем, но Лео все равно поспешно пригнулась, словно не доверяя всему, что могло обрушиться на нее с небес.

И вдруг Джоан схватила Лео за руку.

— Быстрее, — прошипела она. — Вон там стоит миссис Ходжкинс, и она увидит тебя, если мы не поторопимся.

Толпа солдат, столь многочисленная, что идущим навстречу деревенским жителям пришлось отойти на обочину, послужила для Лео и Джоан прекрасным прикрытием.

— Леонора!

Услышав, как кто-то окликнул ее, Лео улыбнулась знакомому мальчишке, — правда, теперь он уже превратился в мужчину в солдатском мундире, — которого знала всю жизнь как Альберта с фермы Грея. Когда он в последний раз был в увольнении, то пригласил ее на прогулку, а потом сводил и в кинематограф. Провожая ее домой, он поцеловал ей руку, и Леонора даже закрыла глаза, чтобы ощутить тот удар молнии, который всегда поражает влюбленных в книгах, когда они касаются друг друга. Но она испытала лишь желание оказаться где-нибудь в другом месте, — например, в Лондоне, где она еще до войны проучилась три года в школе, после чего вернулась домой, и ей отчаянно хотелось чего-то большего, нежели торговать с рук помадой в госпитале, сбывая ее медсестрам и сиделкам.

Но на сей раз Альберт даже не попытался взять ее за руку.

— Что ты с собой сделала? — спросил он, и глаза его недоуменно расширились при виде ее подкрашенных ресниц.

Лео почувствовала, как радость, которую она испытала после того, как искусно подкрасила ресницы, стремительно тает.

И правда, что же она *наделала*? Изготовила тушь для ресниц в то время, когда мужчины сражаются на фронте, чтобы спасти ее страну. Она опустила глаза, глядя себе под ноги и сгорая от стыда за собственную фривольность.

— Ты похожа на... — Но Альберт вовремя спохватился. — Ты выставляешь себя на посмешище, Леонора. Что подумает твой батюшка?

Что подумает твой батюшка? Ранить ее больнее Альберт не сумел бы при всем желании. Она смогла бы пережить собственный позор, но только не отцовский.

— Извините нас, — решительно заявила Джоан. Взяв Леонору за руку, она увлекла ее в «Пэлас Синема», где выбрала места спереди, подальше от солдат, предпочитавших занимать задние ряды.

Лео села, и постепенно к ней вернулась уверенность в себе.

— Честное слово, я решительно не понимаю, отчего всех так возмущает легкий макияж? — сказала она, злясь на себя за то, что придала столь большое значение словам Альберта. — Когда солдат подхватывает венерическое заболевание от французской проститутки, которая наверняка красила губы помадой, это нормально, а вот женщине непозволительно совершить столь безобидный поступок — чуточку оттенить собственные ресницы!

— Не обращай на него внимания. — Джоан закурила и предложила сигарету Лео, но та лишь покачала головой в ответ. — Ты выглядишь настоящей красавицей, а он попросту испугался.

— Как ты думаешь, наступит такое время, когда все перестанут бояться этого? — поинтересовалась Лео. — И миссис Ходжкинс перестанет разглагольствовать о том, как ужасно, что медсестры выставляют напоказ свои лодыжки, а мистер Эллис не станет требовать от меня *выключить эту ерунду*, когда он входит в аптеку и слышит, как из патефона звучит голос Марион Харрис¹ вместо «О, что за чудесная война»?

— Скорее всего, это случится еще не скоро, — признала Джоан.

На экране появились первые кадры кинохроники, и свет в зале начал гаснуть. Лео откинулась на спинку кресла, устраиваясь поудобнее, как вдруг в голову ей пришла неожиданная мысль.

— А почему Альберт вернулся? — прошептала она. — И так много других солдат вместе с ним?

¹ Марион Харрис (1896—1944) — американская певица, пик успеха которой пришелся на 1920-е годы. Она была первой широко известной белой певицей, исполнявшей песни в жанрах джаз и блюз.

— Сегодня утром вернулся целый полк, — во весь голос отозвалась Джоан, игнорируя полные упреков взгляды соседей. — Именно об этом я и хотела тебе рассказать. Пит написал, что уже через несколько дней тоже будет здесь.

— Правда? — спросила Лео.

Ответом ей стало громкое и дружное: «Ш-ш! Тише!»

— Может быть, война уже почти закончилась, — прошептала она.

— Может быть.

На губах Лео заиграла широкая улыбка.

— Если это правда, я пройдусь колесом вокруг синемаатографа.

— Пит предложил мне переехать вместе с ним в Нью-Йорк после того, как его демобилизуют. Отчего я была готова пройтись колесом хоть до самой Луны.

— Нью-Йорк! А как же Сидней?

— Ш-ш! Тише! — На них вновь обрушилось негодование зрителей.

— Расскажу тебе после окончания фильма, — ответила Джоан.

Они перенесли все внимание на экран, но Лео никак не могла сосредоточиться. Перед ее мысленным взором встал Нью-Йорк, легендарный город, место, где царили любовь, надежда и небоскребы, пронзающие облака; здания, покоящиеся на столь солидных фундаментах, глубоко ушедших в землю, что мечты, которые они вздымали в воздух, должны были непременно сбыться, поскольку могли опереться на скальный грунт и несущую конструкцию. Если война и впрямь близилась к концу, значит, будущее все-таки могло наступить, и жизнь начнется заново, а не будет стоять на месте, как это происходило на протяжении уже долгого времени. И чем же тогда она займется?

Улыбка не сходила с ее лица, пока на экране шли кадры кинохроники, а потом и художественного фильма, и не угасла даже на улице, когда какой-то солдат засвистел, увидев ее. Но Лео все равно продолжала улыбаться. Кому какое дело, если она похожа на девицу легкого поведения? Разве не замечатель-

но, что она была здесь, что солдат тоже был жив, что они *могут* заняться таким простым делом, как флирт?

— Ты ответила согласием? — любопытствовала Лео, взяв под руку Джоан и ступая на тротуар, по которому они быстро зашагали прочь, чтобы укрыться от пронизывающего ноябрьского ветра, забиравшегося даже под их плащи и варежки. — В Нью-Йорк?

— Да, ответила, и ты должна поехать вместе со мной.

— Я не могу, — возразила Лео. — Папа не переживет поездки в Нью-Йорк и уж точно не переживет, если я отправлюсь туда одна и оставлю его одного.

— Джоан! — Раздавшийся позади окрик заставил Джоан и Лео быстро обернуться прямо навстречу ветру, который набросился на них, словно рассыпавшаяся лавой кавалерия, обдавая холодом щеки.

— Ты должна вернуться, — задыхаясь, выпалила медсестра, догнавшая их.

— В чем дело? — спросила Джоан.

— «Испанка», — коротко и мрачно ответила та.

Эхо этих страшных слов еще не успело растаять в ночи, как Джоан уже исчезла в темноте, подгоняемая порывами ветра, оставив Лео вздрагивать всем телом.

Испанский грипп. Инфлюэнца. Неужели снова? Только не сейчас, когда мальчики возвращались домой и когда война близилась к концу. Они уже пережили одну эпидемию весной, и тогда и Лео, и Джоан провели две недели в постели. Но, по слухам, дошедшим до них из пораженных болезнью городов и деревень, эта вспышка была куда сильнее.

Остаток пути она почти бежала, будучи не в состоянии избавиться от гнетущего ощущения беспокойства, поселившегося у нее в животе. Добравшись до дома, она первым делом, даже не сняв плаща, шляпки и перчаток, тихонько прокралась по коридору в комнату отца. Приоткрыв дверь, она увидела, что он свернулся калачиком под одеялом и громко похрапывает, погрузившись в глубокий и спокойный сон. Лео улыбнулась, сбрасывая с плеч накидку и свои страхи.

* * *

На следующее утро Лео проснулась рано и сошла вниз, в кладовую, расположенную в задней части аптеки. Если в военный лагерь действительно пришла инфлюэнца, то ей предстоит нелегкий день. Она удостоверилась, что располагает достаточным запасом линиментов для груди и тинктуры от кашля, прежде чем воспользовалась тихим рассветным часом, чтобы достать стремянку и приставить ее к самой высокой полке, на которой хранились книги отца. Книги по химии и иным областям науки — книги, содержащие длинные и непонятные слова. Но Лео уже знала, что если постараться понять их, то они оказываются чуть ли не самыми очаровательными в английском языке. Вазелин, например, представлял собою маслянистую и водостойкую смесь углеводов, но добавьте к нему сажу, и вы получите тушь для ресниц.

Она провела рукой по корешкам и остановилась, добравшись до своих сокровищ: эмалевой пудреницы Фаберже, в которой покоилась лебяжья пуховка, и флакончика духов «Коти» в форме стрекозы, произведенного на фабрике «Лалик». Это были настоящие жемчужины ее коллекции, самые ценные вещи, которыми она владела, — во-первых, потому что раньше они принадлежали ее матери, а во-вторых, Лео мечтала о том, что и ее косметические составы будут расфасованы в нечто столь же волшебное и удивительное, стройными рядами стоящее на полках в аптеке. Она решительно спустилась по ступенькам. Если эпидемия инфлюэнцы окажется не такой уж суровой — а в бледно-золотистом сиянии осеннего утра так и хотелось думать, — она, пожалуй, действительно выставит в аптеке на продажу немного губной помады вместо того, чтобы шутить с отцом на этот счет, и кому какое дело, что скажет на этот счет миссис Ходжкинс!

Она достала кастрюлю и деревянную ложку — свою импровизированную смесительную емкость — и принялась разогревать и помешивать пчелиный воск, кармин, миндальное масло, свеклу и розовое масло, пока у нее не получилась смесь насыщенного алого цвета. Затем она разлила ее по нескольким флаконам, чтобы та остыла, — зримаая, осязаемая хрупкая красота посреди того ужаса, в котором они жили.

Затем Лео отправилась наверх.

— Папа? — окликнула она отца.

— Сегодня я немного проспал, родная, — долетел до нее из комнаты голос отца. — Сейчас спущусь.

Лео сварила два яйца, положила каждому из них по кусочку хлеба, а потом приготовила чай, взяв всего лишь по половине чайной ложечки листьев вместо трех, как любил отец; чай в последние годы стал такой же редкостью, как и хорошие новости.

Появился отец и тяжело опустился на стул. Его била дрожь.

— Ты замерз! — вскричала Лео. — Давай я принесу одеяло и укутаю тебе ноги.

— Не беспокойся. Я согреюсь чаем.

Лео передала ему чашку.

— Пей, — с шутливым укором проговорила она. — А я сделаю тебе еще одну.

— Ты — славная девочка, Лео. Как прошел вчерашний вечер?

— Я видела Альберта. Его полк перевели обратно.

— Держу пари, он был рад встретить тебя, — сказал отец, и в тоне его голоса прозвучали странные нотки, повергшие Лео в недоумение.

— Не знаю. Я сделала себе легкий макияж, чем, кажется, шокировала его.

— Ха! — презрительно фыркнул отец. — Он был на войне и сидел в окопах, но его способна шокировать черная краска у тебя на ресницах? Значит, он тебе не подходит. Как и все остальные, впрочем.

— Это просто потому, что ты собственник, — поддела она его.

— Нисколько, — решительно отрезал он. — Помяни мое слово, он еще попросит тебя выйти за него замуж. Но ты должна ответить «нет». Не вздумай застрять здесь. Как только война закончится, я придумаю, как вернуть тебя в Лондон, вот увидишь.

— Я тебя не оставлю одного, даже не надейся.

В окно, прерывая их, вплыл колокольный звон.

— Сегодня же не воскресенье, — сказала Лео.

Подбежав к окну, она распахнула его, не обращая внимания на хлынувший внутрь холодный воздух.

А колокола все продолжали звонить, и люди запрудили улицу. Поначалу звуки, которые они издавали, показались Лео незнакомыми, и только потом она сообразила — люди смеялись.

— Что случилось? — окликнула она мистера Бэнкса, который стоял на ступеньках своей адвокатской конторы, располагавшейся по соседству, и лучился широкой улыбкой.

— Война закончилась! — прокричал он в ответ.

Лео подскочила к отцу и с такой силой сжала его в объятиях, что он закашлялся.

— Все кончилось! — вскричала она.

Отец хлопнул в ладоши и рассмеялся.

— Ну, не стой же столбом, — сказал он. — Беги и веселись!

Лео вытащила носовой платок и утерла слезы, выступившие у отца на глазах.

— Я люблю тебя, — сказала она.

А потом она сбежала по ступенькам и выскочила на улицу, надеясь отыскать Джоан и пуститься с нею в пляс. Но уйти далеко ей не удалось, потому что на каждом шагу она наткалась на солдат, которые хотели взять ее за руки, чтобы закружить на месте или подбросить в воздух. Один из них даже попытался поцеловать ее, и она не стала противиться, потому что сегодня наступил такой день, когда правила приличия перестали что-либо значить.

— Спасибо! — крикнул он и улыбнулся, прежде чем бежать дальше.

В то утро город, казалось, сошел с ума: магазины и лавки лишились продавцов, коровы остались недоенными, а завтраки — несъеденными. В церкви было не протолкнуться от людей, возносящих благодарность Господу, владелец гостиницы «Кучевое облако» раздавал кружки пенного пива всем, кто, пританцовывая, пробегал мимо, полисмены игнорировали столь вопиющее нарушение правил, и даже деревья, казалось, присоединились ко всеобщему веселью, роняя листья, словно благословение, на золотисто-рыжие волосы Лео и головы всех деревенских жителей, собравшихся на импровизированный праздник на главной улице.

Лео мелкими глоточками потягивала пиво, от души наслаждаясь атмосферой нежданного праздника, когда кто-то похлопал ее по плечу.

— Мисс, моей маме нужно лекарство от кашля.

Слова эти стали для нее холодным душем: Лео вдруг сообщила, что так и не видела Джоан и что во всеобщем веселье принимают участие очень немногие медсестры. А вот солдаты, напротив, в городе встречались во множестве и на каждом шагу. Следовательно, вспышка инфлюэнцы не могла быть слишком уж серьезной. Тем не менее ее охватили дурные предчувствия, а эйфорию как рукой сняло.

— Уже иду, — сказала она парнишке, стоявшему перед ней.

Когда она развернулась, чтобы идти в аптеку, начал накрапывать дождь. Юбка ее сразу намочила, а подол отяжелел, пропитавшись водой и грязью. Придя в аптеку, она дала мальчишке лекарство от кашля для его матери, расспросив его насчет симптомов, и озабоченно нахмурилась, когда он рассказал ей о лихорадке, кашле и головной боли. После того как он ушел, она бегом поднялась наверх, чтобы повидать отца, который по-прежнему сидел за столом в той же самой позе, в какой она оставила его.

— К нам пришла эпидемия испанского гриппа, — без долгих предисловий заявила она. — Ты должен остаться дома. Я не переживу, если ты заболеешь.

— Не будь гусыней, — ласково сказал отец. — Я пребываю в полном здравии. Но, пожалуй, сейчас мне лучше прилечь на минутку, пока эта чашка чая не согреет мои суставы.

Оставив отца в уюте и покое его собственной комнаты, Лео вернулась в аптеку. В этот день покупатели шли к ней сплошным потоком, хотя и не слишком полноводным. Большинство жаловались на кашель и лихорадку, но ведь на дворе стояла *осень*. Она закрыла лавку в шесть, приготовила отцу на ужин яйца с гренками и отправилась спать, но уже в пять часов утра ее разбудил громкий стук в дверь. Страх заставил ее одеться с необычайной поспешностью, поскольку она знала, что только чрезвычайные обстоятельства могли вынудить кого-либо обратиться за помощью в столь ранний час.

— Что там такое? — донесся голос отца из его комнаты.

— Всего лишь какой-то клиент, у которого наверняка неправильно идут часы. — Она постаралась, чтобы голос ее прозвучал беззаботно, словно встать на рассвете — суший пустяк для нее, не стоящий беспокойства.

Но покупатель оказался не один; их было много. На их лицах отражались растерянность и недоумение; как же так, они только что одолели одного безжалостного противника — войну — лишь для того, чтобы на порог их дома ступил другой, не менее жестокий. Всем им нужно было то, чего Лео дать им не могла, — исцеление. Чудо. Путь, ведущий прочь из ада, в который превратился этот мир.

За короткий промежуток времени со вчерашнего дня до сегодняшнего инфлюэнца протянула свою костлявую руку и схватила за горло столько людей, сколько уместилось в ее ладони, и уже не собиралась их отпустить.

Весь этот долгий-долгий день Лео сбивалась с ног, судорожно смешивая все новые и новые мази от кашля. Она раздала все муслиновые маски, которые у нее еще оставались, причем не взяла за них ни пенни. Самым ужасным испытанием для нее стал тот миг, когда в аптеку вбежала жена булочника. Окинув Лео диким взглядом, та закричала, что кожа на теле ее мужа приобрела багровый оттенок. Лео знала, что это конец: у бедняги начался цианоз, бывший страшным симптомом именно этой разновидности гриппа. И поделать она уже ничего не могла.

— Мужайтесь, — прошептала Лео, обнимая ее.

Но потом пришло известие о том, что Альберт — тот самый Альберт, который в своей жизни и мухи не обидел, — тоже пал жертвой болезни.

После этого Лео постаралась отогнать от себя все посторонние мысли. Она сосредоточилась на помощи тем, кому могла помочь сама, советуя всем тщательно мыть руки, содержать в чистоте постельное белье и носовые платки и не выходить на улицу без острой необходимости. Хотя уже к обеду пойти было некуда. Большая часть лавок и магазинов закрылись. Церковь закрылась тоже. Как и синематограф «Пэлас Синема». И гостиница «Кучевое облако». Празднование окончательного перемирия было от-

менено. Вместо этого их деревня с населением в пять сотен душ, и без того пострадавшая от войны, начала хоронить новых мертвецов, и скоро умерших тут станет больше, чем живых.

Но вот сгустились сумерки, и она поспешила наверх, к отцу. Лео ожидала застать его за столом с чашкой чая, но квартира была погружена в темноту. Неужели он уже лег в постель?

И тут ее слуха достиг какой-то звук. Частый сухой кашель. Господи милосердный! Лео распахнула дверь в его комнату.

— С тобой все в порядке? Мне показалось, что я слышала... — Она не смогла заставить себя произнести вслух страшные слова.

— У меня лихорадка, — хриплым голосом прошептал отец.

Ужас ледяными пальцами стиснул сердце Лео.

— Ты обязательно поправишься, — сказала она, стараясь приободрить его, и себя заодно, и понимая, что потерпела неудачу. — Сейчас я сварю тебе бульон.

— Нет, не надо. Я посплю, и все будет в порядке. — Отец закрыл глаза, но, вместо того чтобы обрести покой во сне, хрипел и содрогался при каждом вдохе и выдохе.

Лео принесла полотенце и тазик, после чего присела подле его кровати, положив на лоб отцу влажное полотенце. Она растирала ему спину, когда он заходился таким сильным кашлем, что буквально выгибался дугой, едва не падая с кровати, и подставляла тазик, чтобы тот мог сплевывать в него мокроту, споласкивала таз и возвращалась как раз к следующему приступу.

Она перестелила ему простыни, когда они промокли от пота. Временами он затихал, и тогда она застывала в напряжении на краешке стула, судорожно теребя пальцами юбку. Потом его сотряс очередной пароксизм кашля, и приступ продолжался, как ей показалось, несколько часов. И все это время отец цеплялся за нее, словно маленький ребенок, а она держала его за руку и пела ему колыбельную, чтобы убаюкать, как самая настоящая мать.

* * *

Уже рассвело, когда она вдруг поняла, что единственными звуками, нарушающими тишину, стали пение петухов и грохот тележек мальчишек-разносчиков. Оттого что кашель у отца

наконец-то прекратился, она испытала такое облегчение, что у нее даже закружилась голова. Комната поплыла у нее перед глазами, и она принялась дышать глубоко и размеренно, чтобы прийти в себя. В тусклом свете первых лучей утреннего солнца, пробившихся сквозь занавески, она видела, что он мирно лежит, свернувшись клубком под одеялом.

Лео на цыпочках вышла из комнаты. Пока он спит, она приготовит ему кашу, которая согреет его и придаст ему сил. Она даже подсластила ее капелькой драгоценного сахара. Когда каша сварилась, Лео понесла ее, горячую и исходящую паром, по коридору, уверенная, что отец уже уловил волшебный аромат и теперь с нетерпением ожидает необыкновенного пиршества.

Но при ее появлении отец даже не пошевелился.

— Папа? Я сварила тебе кашу.

Никакого ответа.

— Папа! — Голос у нее сорвался.

Она знала, что может подойти к кровати, тронуть его за плечо, увидеть, как он проснется и примется шарить руками в поисках очков. Или же она могла остаться на месте, замерев в неподвижности вне времени и пространства. Если она будет ждать достаточно долго, то будущее не наступит. Слезинка скользнула у нее по щеке и сорвалась в тарелку с кашей, приготовленную для отца. Затем еще одна.

Лео покачала головой. Это все ее глупое воображение, то самое, которому она, по словам миссис Ходжкинс, не должна давать воли. Что ж, сейчас она так и сделает. На негнущихся ногах Лео спустилась вниз, вышла на улицу и постучала в двери мистера Бэнкса.

Но когда мистер Бэнкс ответил ей, она вдруг обнаружила, что вся ее бравада улетучилась. Она стояла, не в силах вымолвить ни слова, с увлажнившимися глазами, сжав руки в кулаки.

— В чем дело? — осведомился мистер Бэнкс.

— Папа, — сказала она. — Инфлюэнца.

— Ох, Лео... — Мистер Бэнкс обнял ее, и она неловко замерла в кольце его рук, сознавая, что больше всего на свете ей хочется выплакать свое горе у него на груди. Но ведь от этого оно станет реальным.

— Я схожу посмотрю, — сказал мистер Бэнкс.

Лео кивнула. Она вошла вслед за ним в квартиру и осталась ждать на кухне, пока он поднялся в комнату отца. Она вдруг заметила, что не выключила плиту, на которой все еще свистел чайник. Но отец так и не спустился, чтобы снять его. Минуты медленно ползли мимо.

А потом появился мистер Бэнкс. Он покачал головой.

Ей показалось, будто в сердце ей воткнули острый нож, попутно растерзав все то, что составляло самую сущность ее, Леоноры Ист.

Она поспешила в спальню и откинула простыню, которой мистер Бэнкс накрыл лицо отца. То любимое и дорогое лицо, которое было знакомо ей лучше собственного, исчезло в ночи, оставив вместо себя нечто холодное и мертвенно-бледное. А его рот — он приоткрылся, словно отец, умирая, звал ее. Но она не услышала его и теперь никогда не узнает, что он хотел ей сказать.

Она просидела рядом с отцом весь день, не промолвив ни слова, не уронив ни единой слезинки, и сжимала его холодную, ледяную руку. Ей казалось, что со всех концов деревни до нее доносится кашель и люди выплевывают ярко-алую жидкость, которая скопилась у них в легких, жидкость, которая убила ее отца. Она оттолкнула Библию, которую кто-то пытался вложить ей в руки. Кому нужен такой Господь? Вместо этого она взъерилась на Него за то, что Он так обошелся с ней, с папой, со всеми. Она обзывала Господа всеми гадкими словами, какие только могла придумать, включая те, которые раньше никогда не произносила вслух.

А потом они пришли, чтобы забрать тело ее отца.

— Нет! — прошипела она, вскакивая со стула. — Вы его не получите.

— Ш-ш, тише, — принялся успокаивать ее мистер Бэнкс, крепко прижимая к себе, чтобы она не вырвалась и не помешала тем, кто поднимал с кровати тело. — Ты должна отпустить его.

— Как? — прошептала в ответ Лео. — Разве я могу это сделать?

И только когда отца унесли, она дала волю слезам, тяжелым и быстрым, которые, словно пули, падали на отцовскую кровать, опустевшую отныне и навсегда.

Глава вторая

Смерть и тишина. Только они и остались у Лео в памяти о прошедших трех месяцах. Мертвые листья лежали на улицах небранными и гнили. Молчаливые покупатели с ничего не выражающими взглядами, слишком измученные и утомленные, чтобы поддерживать разговор обо всяких пустяках. Коричневая слякоть зимы, отобравшая у мира все краски. И все это время в ушах у Лео звучали слова одной-единственной песни:

У меня была маленькая птичка,
И звали ее Энца,
Я открыла окно,
И пришла инфлюэнца.

Голоса детей эхом отражались от стен домов, когда они, во все горло распевая немудреный мотив, прыгали через скакалку на улице. А Лео обнаружила, что не может выкинуть их из головы. Она даже не могла все бросить и предаться горю: людям нужен был провизор. И вот с ноября по январь она раздавала маски и линименты, позволяя соседям выплакаться у себя на груди, когда их родные и близкие один за другим становились жертвами ужасной смерти. Тем временем собственная скорбь ждала своего часа, притаившись у нее под сердцем.

До тех пор, пока инфлюэнца наконец не отступила. Поток покупателей в аптеке обмелел, и все чаще стали случаться периоды долгого мрачного безделья, когда Лео замечала вокруг новые признаки запустения и отчаяния: толстый слой пыли на деревянных полках, которые отец соорудил сам и которые протирал каждый день. «Нет нужды ходить в модные чайные комнаты Бутса и библиотеки, если у тебя чистые полки», — говорил он. Лео слышала его голос так ясно, словно он стоял перед ней, и принималась оглядываться по сторонам, высматривая

его, но потом вспоминала, что он умер и что впереди ее ожидает безрадостное будущее, в котором нет отца.

Однажды в феврале мистер Бэнкс и Джоан, которая заходила к ней почти ежедневно, застали ее плачущей на полу. Она наткнулась на штабель картонных коробок, отчего стеклянные баночки, лежавшие в них, полетели на пол и вдребезги разбились, расплескав свое красное, как кровь, содержимое.

— Ты не порезалась? — воскликнула Джоан при виде алой лужи вокруг нее.

— Это всего лишь помада для губ, — безжизненно откликнулась Лео.

— Слава богу, — сказал мистер Бэнкс и протянул ей руку, чтобы помочь подняться на ноги.

— Я приготовила ее в то утро в ноябре, — запинаясь, пояснила Лео. — Когда подумала, что эпидемия инфлюэнцы будет не очень сильной. Я собиралась выставить ее в витрине аптеки. Чтобы попытаться продать. Не могу поверить, что я думала об этом, когда должна была...

Джоан обняла ее и прижала к себе.

— Ты не могла знать, — горячо заговорила она. — Ты ни в чем не виновата.

— Но я чувствую себя виновной в том, что осталась жива, когда многие вокруг умерли. А ты разве нет?

— Твой отец был бы очень рад тому, что ты жива, Лео, — сказал мистер Бэнкс. — Иначе ради чего жил он сам?

— Не знаю, — прошептала Лео, оглядываясь на царящий кругом беспорядок: пыль, коробки, нескатанные бинты, грязную плиту, незакупоренные флаконы. Раньше все было совсем не так. По-другому. — Мне надо прибраться, — неожиданно заявила она. — Мне нужны тряпка, веник и ведро.

— Прямо сейчас? — с сомнением осведомился мистер Бэнкс.

— Мы поможем, — согласилась Джоан.

Уже через пятнадцать минут они дружно взялись за работу. Лео вытирала пыль и разбирала коробки, Джоан чистила плиту, а мистер Бэнкс выстраивал ровными рядами товары на продажу. Наконец настал черед пола, который мистер Бэнкс подмел, а Лео и Джоан сначала отскребли щетками, а потом и вымыли.

Вытирая последние следы красной губной помады, Лео произнесла:

— Только представьте, что сказала бы миссис Ходжкинс, если бы узнала, что мы спешили так сильно, что даже пол раскрасили помадой.

Джоан оглянулась на нее и ухмыльнулась, а Лео вдруг поймала себя на том, что улыбается. А потом она беспомощно рассмеялась и согнулась пополам, держась за бока и задыхаясь от смеха. Ее примеру последовала Джоан, и подружки предались безудержному веселью. В дверь задней комнаты просунул голову мистер Бэнкс и заявил:

— Я пропустил шутку, — отчего Лео расхохоталась еще сильнее.

В конце концов она вытерла слезы и уселась на теперь уже чистый пол.

— Мне это было необходимо, — сказала она.

— Вот именно, — согласился мистер Бэнкс. — Сейчас я принесу всем чаю.

Пять минут спустя он вернулся с подносом, на котором стояли чайные принадлежности и немного хлеба с вареньем. Присев на пол рядом с Лео, он раздал всем чашки и блюдца.

Лео отпила крохотный глоточек и зажмурилась, наслаждаясь теплом.

— Как вкусно, — сказала она.

— Я заварил его так, как любил твой отец, — сказал мистер Бэнкс. — Очень крепким. А теперь съешь кусочек хлеба. Ты уже исхудала до полной прозрачности.

Лео отщипнула кусочек.

— Знаете, а ведь вы — единственные, кто разговаривает со мной о нем, — сказала она. — Остальные или кудахчут вокруг меня, словно я насадка, высиживающая цыплят, или же избегают вспоминать об отце, что еще хуже. Ведь как можно делать вид, будто его вообще не существовало?

Склонив голову к плечу, она окинула взглядом полки, на которых в строгом порядке выстроились снадобья, — все было именно так, как всегда хотел ее отец. От осознания столь простого факта ее охватила легкая грусть. Облегчение, кото-

рое она испытала оттого, что они заговорили о нем, вспомнили его и позволили ему стать больше, чем призраком, разгладило пару самых глубоких морщин у нее на лбу и сняло — пусть и отчасти — тяжесть с души.

Она продолжала говорить, и слова, торопясь, хлынули бурным потоком:

— Жители деревни, похоже, уже уверовали в то, что я стану мисс Леонорой Ист, эксцентричной провизоршей и старой де-вой. Они похлопывают меня по ладони, когда приходят сюда, и говорят: «Какая жалость», — словно и моя жизнь закончилась тоже.

— Твой отец не хотел бы для тебя подобной участи. Он весьма недвусмысленно выразил свои пожелания, — напомнил ей мистер Бэнкс.

Во время оглашения завещания мистер Бэнкс, являясь поверенным отца, передал ей письмо от него. Если вкратце, то оно убеждало ее предпринять следующие шаги: «Продай все. Возьми деньги и сделай что-нибудь, как всегда хотел от тебя я и чего всегда хотела ты сама. Не посвящай свою жизнь Саттон-Вени. Тебе на роду написано совершить нечто большее».

— Я уезжаю в мае, — сказала Джоан. — Пит уезжает раньше, но я сказала ему, что останусь здесь до тех пор, пока лагерь не будет расформирован. И ты *должна* поехать в Нью-Йорк вместе со мной. Для нас этот город — самое подходящее место, полное смеха и приятных впечатлений. Там легко можно найти работу. А еще я совершенно уверена в том, что тамошние люди придерживаются куда более широких взглядов, нежели здешние обитатели.

— Это же так далеко, — с грустью заметила Лео и умолкла. — Это же так далеко, — медленно повторила она. — Хотя, наверное, было бы неплохо уехать в такую даль.

— Да, это может быть мудрым решением, — согласился мистер Бэнкс.

Нью-Йорк. Отважится ли она отправиться туда на самом деле? Ее ведь более ничто не удерживало ни в Саттон-Вени, ни даже в Англии.

— Я обещаю подумать об этом, — сказала она.

Джоан крепко стиснула ее руку. Мистер Бэнкс ласково пожал другую. И, сидя вместе с ними на полу отцовской аптеки, Лео вдруг ощутила себя маленькой девочкой, делающей свой первый шаг, который уводил ее от прошлого и скорби. Шаг в будущее. При мысли о том, что она готова шагнуть в неизвестное, по телу ее пробежала дрожь возбуждения и страха.

* * *

Две недели спустя Лео выстроила в витрине аптеки пирамиду из маленьких горшочков, а спереди прислонила к ней табличку с надписью «Губная помада и краска для ресниц для прекрасных дам». Она улыбалась. Приготовление помады доставляло ей куда больше удовольствия, нежели смешивание порошка для прорезывания зубов у младенцев. Именно этим она хотела бы заниматься в будущем. И теперь оставалось ответить только на один вопрос: *где* она станет воплощать в жизнь свою давнюю мечту?

Ее косметические нововведения были встречены гробовым молчанием. В течение следующих трех дней порог ее аптеки переступили всего несколько покупателей, причем подвигла их на это лишь крайняя необходимость. Горшочки оставались в неприкосновенности и вызвали интерес лишь у нескольких медицинских сестер, все еще остающихся в военном лагере. Деревенские же жители лишь украдкой поглядывали на витрину, но потом поспешно отводили глаза да перешептывались с теми, кто оказывался рядом, осуждающе качая головами. Хотя она и ожидала чего-то подобного, такое отношение уязвляло ее куда сильнее, чем она была готова признать. Весь труд и любовь, которые она вложила в каждую баночку, оказались никому не нужны. Их сторонились и избегали, как чумы. Нет, хуже: их презирали.

— Видел бы твой отец, что ты наделала. — Миссис Ходжкинс заполнила собой дверной проем, после чего окинула презрительным взглядом витрину и Лео.

Лео посмотрела на одну из законодательниц общественного мнения викторианских матрон Саттон-Вени и поняла, что ни за что на свете не согласится стать похожей на нее. Как и жить в будущем, сообразуясь с правилами прошлого.

— Завтра тебе следует прийти на мессу, — заявила миссис Ходжкинс. — Поговорить с отцом Лоуренсом.

Лео улыбнулась. Не из чувства благодарности, а потому, что миссис Ходжкинс пробудила в ней способность принимать решения самостоятельно.

— Нет, благодарю вас. Полагаю, мой отец гордился бы мною.

Выпроводив миссис Ходжкинс, она заперла аптеку и зашагала прочь, выпрямив спину и расправив плечи. Уверенность в собственной правоте крепла в ней с каждым шагом, и вскоре она не выдержала и сорвалась на бег. Она пробежала через всю деревню, миновала убогие солдатские бараки, похожие на детские постройки из игрушечных кубиков, и оказалась в самом конце Госпитального проулка.

— Я еду! — выкрикнула она, едва увидев Джоан. — Я еду с тобой в Нью-Йорк.

— Ох, Лео... — Джоан положила локти на стол на посту медицинской сестры и покачала головой. — Пит обманул меня. Он везет с собой в Нью-Йорк другую девушку. Не меня. А я, скорее всего, вернусь в Сидней после того, как закончу свои дела здесь.

Лео крепко обняла подругу.

— О нет! С тобой все в порядке?

Джоан устало кивнула.

— Да, все нормально. Думаю, что я куда сильнее расстроилась из-за того, что не еду в Нью-Йорк, чем из-за Пита, — призналась она. — Особенно теперь, когда едешь ты. Ты, кстати, еще не передумала?

Лео заколебалась. Поедет ли она одна, без Джоан?

— Я хочу поехать.

Уныние сгущающихся сумерек притупило сверкающие острые грани энтузиазма Лео, когда она возвращалась домой. Было бы намного лучше, если бы в Нью-Йорке рядом с ней была Джоан, но Лео полагала, что сможет отправиться туда и в одиночку. Она совершенно определенно не могла остаться в деревне и позволить своему миру уменьшиться до ничтожных размеров, когда любая новинка кажется угрозой. С таким же успехом она могла и умереть, как и многие другие.

Мысли теснились у нее в голове, и она невольно замедлила шаг. Дойдя до главной улицы, она направилась напрямик к дому мистера Бэнкса. Пожалуй, он сможет помочь ей.

Не успев он отворить дверь, как Лео обрушила на него поток слов:

— Так получилось, что Джоан не едет в Нью-Йорк. Как раз в то самое время, когда я твердо решила, что поеду. Я хочу производить косметику. Я могла бы открыть магазин. Но мне необходимо определиться с тем, как я смогу туда добраться.

— Замечательная идея, — сказал мистер Бэнкс. — Входи. Кажется, у меня есть решение.

На кухне он даже не стал дожидаться, пока закипит чайник, а заговорил сразу:

— Ты помнишь мою племянницу Матти?

Лео задумалась. Ага, леди Матти, припомнила она. У мистера Бэнкса имелась племянница-аристократка. Когда Лео было пять или шесть лет, Матти приезжала навестить своего дядю, и Лео показала ей, как найти подходящее место, чтобы съехать по грязи с вершины холма позади дома мистера Бэнкса до самого низа без остановки. Впрочем, подобные шалости не произвели на Матти должного впечатления, поскольку она лишь испачкала платье да испортила прическу, в которую были уложены ее тщательно завитые кудряшки.

— В общем, — сказал мистер Бэнкс, — в скором времени Матти со своими родителями едет в Нью-Йорк. У них возникли некоторые финансовые затруднения, и они слышали, что в Америке с обедневшими английскими дворянами обращаются как с особами королевской крови, в отличие от нас. Я напишу сестре и спрошу, нельзя ли тебе сопровождать их. Я уверен, что ты станешь прекрасной попутчицей для Матти.

— Это было бы замечательно, — сказала Лео. — Но согласятся ли они взять меня с собой? Матти — настоящая леди, а я — всего лишь деревенская девчонка.

— Дорогая моя, ты никогда не была деревенской девчонкой. Я напишу им сегодня же вечером.

— Я еду в Нью-Йорк! — воскликнула Лео и от волнения едва не выронила чашку.

— За тебя, Лео. — Мистер Бэнкс приподнял свою чашку. — Желаю тебе приятных приключений.

Приключения... Лео широко улыбнулась. Надо же, прошло всего несколько месяцев, а какие перемены уже случились за это время! Вместо того чтобы беспокоиться о войне и смерти, она с нетерпением ожидала начала новой жизни на новом месте. Там, где у нее будет собственный магазин. Там, где, возможно, ей будет легче показать людям, что если женщина хочет сделать себе скромный макияж, то это не грех, не преступление и не привычка проститутки. Потому что если ее косметические средства купят достаточно женщин, и не просто купят, а еще и попробуют применить, то традициям и условностям придется отойти в сторонку. Нью-Йорк и станет таким местом, где она выяснит, кто же такая на самом деле Лео Ист. И кем она может стать.

Глава третья

Уже в самом конце мая, непривычно холодным и пасмурным днем, когда по небу яростно неслись грозовые тучи, Лео сделала свой первый шаг из Саутгемптона на пути в Нью-Йорк. С момента ее разговора с мистером Бэнксом минуло два месяца, на протяжении которых стряпчий отца искал и таки нашел покупателя на лавку и квартиру. Немногим людям была нужна аптека в Богом забытой и пострадавшей от войны деревне. В результате у Лео появилось немного денег, хотя и куда меньше, чем мистер Бэнкс рассчитывал изначально.

Вагонные колеса отстукивали *прочь-прочь, проть-проть*, и мимо промелькнула долина Уайли-Вэлли: сначала Уорминстер, потом Хейтсбери, Кодфорд и Уайли. Ночь она провела в Солсбери, где дождь обрушил свою ярость на крышу гостиницы, а ветер стучал в оконные стекла. На следующее утро рассвет едва успел заняться, как солнце уже закрыла черная туча. Вновь оказавшись в поезде, Лео вскоре провалилась в сон, который бежал от нее всю прошлую ночь, но ее разбудило внезапное ощущение падения, падения со своего места на пол, когда поезд резко затормозил.

Кондуктор принес свежие новости:

— Ураган повалил половину деревьев в Гемпшире. Пути заблокированы, и расчистят их не раньше, чем к завтрашнему полудню. До Данбриджа, где можно будет переночевать, придется идти пешком. Багаж можете оставить здесь.

С большой неохотой Лео вышла из вагона, раздосадованная опозданием. Уже через несколько секунд она насквозь промокла под проливным дождем, оказавшись в неровной цепочке пассажиров, бредущих по щиколотку в воде. В ее дорожных башмаках хлюпала вода, а над головой змеились огромные молнии. Дорога до Данбриджа заняла почти два часа, а там к услугам пассажиров нашлась одна-единственная гостиница.

Толпа людей до отказа запрудила крошечное фойе. Лео оказалась зажатой в последних рядах, едва сумев протиснуться внутрь, и потому не слышала, что говорила владелица. И вдруг она увидела, как ко входу подошел какой-то темноволосый мужчина, вежливо стряхнувший целый водопад с полей своей шляпы на лужайку вместо того, чтобы занести ее внутрь, хотя остальная его одежда промокла настолько, что это уже не имело никакого значения.

— Чертова погода, — проворчал он, подходя к ступенькам.

— Совершенно согласна с вами, — с чувством выразилась Лео. — Я бы предпочла оказаться на борту корабля, плывущего в Нью-Йорк, а не мокнуть здесь под дождем.

Незнакомец улыбнулся.

— Хотя в такую погоду морская болезнь свалит кого угодно.

— Пожалуй, вы правы. — Лео улыбнулась в ответ.

Теперь в фойе было тихо; большинство пассажиров уже разошлись по своим комнатам. Последние несколько гостей как раз поднимались по лестнице, и вскоре Лео и мужчина остались одни.

— Бог ты мой, почему же вы промолчали, когда я спросила, остались ли еще в очереди женщины? — пожелала узнать владелица гостиницы при виде Лео.

— Я вас не слышала, — ответила та.

— У меня больше нет свободных комнат, — сердито заявила хозяйка, словно в этом была виновата Лео. — И я не могу под-

Об авторе

Наташа Лестер работала менеджером по маркетингу в компании «Л'Ореаль», занимаясь продвижением торговой марки «Мейбеллин», прежде чем вернулась в университет для изучения творческого письма. Степень магистра гуманитарных наук она получила в то же время, когда ее первый роман «What Is Left Over» получил первую премию Т. Эй. Дж. Хагенфорда в номинации «Лучшее художественное произведение». Ее второй роман, «If I Should Lose You», вышел в свет в 2012 году, за которым в 2016 году последовала повесть «A Kiss From Mr Fitzgerald».

В свободное время Наташа с удовольствием преподает основы письменной речи, занимается ораторским искусством и любит играть в куклы со своими тремя детьми. В настоящее время живет в Перте.

Последние новости о Наташе можно найти по следующим адресам:

natashalester.com.au

 [@Natasha_Lester](https://twitter.com/Natasha_Lester)

 [natashalesterauthor](https://www.instagram.com/natashalesterauthor)

 [/NatashaLesterAuthor](https://www.facebook.com/NatashaLesterAuthor)

[#HerMothersSecret](https://www.instagram.com/HerMothersSecret)

Літературно-художнє видання

ЛЕСТЕР Наташа

Її секрет

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *А. В. Альошичева*

Підписано до друку 29.07.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 30,16. Наклад 4000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

ЛЕСТЕР Наташа

Ее секрет

Роман

Главный редактор *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колюбакина*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. В. Алешичева*

Подписано в печать 29.07.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 20,16. Тираж 4000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Англія, 1918 рік. У маленькому селі живе юна Леонора, дочка аптекаря. Вона мріє створювати жіночу косметику. Але в селищі її диво-креми продаються погано... Одного разу доля дає їй шанс втілити мрію — переїхати до Америки і відкрити власну крамницю. Там дівчина закохується і вирішує ризикнути всім...

Нью-Йорк, 1939 рік. Талановита балерина Аліса отримує пропозицію стати обличчям нового бренду косметики. Це скандальний крок, однак він допоможе їй заявити про себе. Леонора бачить в Алісі себе — молоду мрійницю, яка ще не обпекла крилець. Вони з нею такі схожі... І Аліса дедалі сильніше відчуває це.

Дві жінки. Одна мрія. І таємниця, що міцно поєднала їхні долі.

Лестер Н.

Л51 Ее секрет : роман / Наташа Лестер ; пер. с англ. А. Михайлова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 384 с.

ISBN 978-617-12-6849-4

ISBN 978-0-7336-3465-9 (англ.)

Англия, 1918 год. В маленькой деревушке живет юная Леонора, дочь аптекаря. Она мечтает создавать женскую косметику. Но в деревне ее чудо-кремы продаются плохо... Однажды судьба дает ей шанс воплотить мечту — переехать в Америку и открыть свой магазин. Там девушка влюбляется и решает рискнуть всем...

Нью-Йорк, 1939 год. Талантливая балерина Алиса получает предложение стать лицом нового бренда косметики. Это скандальный шаг, но он поможет ей заявить о себе. Леонора видит в Алисе себя — молодую мечтательницу, еще не опалившую крыльев. Они с ней так похожи... И Алиса все сильнее чувствует это.

Две женщины. Одна мечта. И тайна, крепко связавшая их судьбы.

УДК 821(94)